

прибавит, — ибо оно свою благодать берет от него, — не убавит и не прибавит. К тому же Бог не мог бы быть «благом всякого блага», не будь Он первейшим и высшим, переизбыточествующим и чистейшим. А те или прочие друг от друга отличные блага получают благодать, каковую они имеют и стяжают, в различной мере. Вот поэтому то, что является благом всего, должно неразличимо в себе заключать всякую меру и всякие виды разных благ, всякую меру без меры, то есть безмерно.

И еще одно буквальное толкование для неразумных: сказано, что Бог, творя и действуя, почивает, чтобы не подумали, что Он действует с усилием, как мы видим в природном мире, что все действующее страдает, и «любая страсть есть отпадение»⁴⁷⁰.

Далее, пятнадцатое, говорится: Бог почивает во всех тварях и их сотворении, чтобы мы поняли, что Бог есть чистое, полное и простое бытие и единственный источник всякого бытия, в душе ли или вне ее, в искусстве или природе. Посему Августин говорит в кн.1 «Исповеди»: «Из другого ли места вытекает источник, откуда струится к нам бытие и жизнь»? — Нет, только из Бога, «для Него же нет разницы между бытием и жизнью, ведь высшее бытие и совершенная жизнь»⁴⁷¹ есть Бог. И всякая вещь покоится, как подробно изложено выше, в бытии и во всем прочем благодаря бытию.

Если обычно говорят, что Бог почивает во всем, поскольку всему посылает покой, то сие толкование соответствует таким примерам, как дом и сообщество, о каковых говорят, что они исполнены радости, ибо увеселяют людей. Впрочем, такое сравнение несовершенно и говорит слишком мало. То же, что мы имеем в виду, подобает понимать следующим образом: «То, к чему» в бытии «воистину существует стремление и чего взыскует всякая вещь, есть бытие и совершенство бытия как бытия», — так говорит Авиценна в кн.VIII «Метафизики» гл.6⁴⁷². Но бытие вовсе ничего не подает и не сделает помимо силы Божией, созидающей и учреждающей бытие, подобно тому, как по справедливости говорят, что король покорил крепость, когда ее завоевал начальник его военной дружины.

Шестнадцатое, Бог почивает в деянии и во всяком деле или соделанном, ибо для всякой сущности естественно и хорошо то, что Бог в ней творит и чего Он желает. Так воцаряется мир и покой в каждом деянии Божиим, ведь оно хорошо и естественно. Будучи чистым бытием, Бог всегда создает бытие, способное обращаться во благо. И, будучи «чистой благодатью»⁴⁷³, Он не может сотворить ничего злого, но может создать только хорошее, в каковом покоится все и каковое покоится в самом себе.

Наконец, надо заметить относительно нравственной жизни, что словами: Бог почивает в делах, утверждается, что дело в нас тогда только Божественно, когда делание сладостно само по себе. И поэтому, согласно философу, наслаждение в труде есть признак обретенного благого расположения⁴⁷⁴. То, что делается ради чего-либо другого, является подневольным трудом ради платы. Свободно лишь то, что совершается ради себя, что нравится само по себе и ради себя самого, Прит.16: «Все сделал Бог ради Себя»⁴⁷⁵. Итак, благо, которое мы творим не ради него самого, — поскольку оно хорошо, — не есть Божье дело, и не Бог творит его в нас; но другое вне этого дела, ради какового мы действуем, творит его в нас. Посему в Матф.5 знаменательно говорится: «Блаженны алчущие и жаждущие правды»⁴⁷⁶. Праведен труд, в котором ничто другое не действует, кроме голода, жажды, желания и поиска правды. И далее: «Блаженны гонимые за правду»⁴⁷⁷. — «Гонимые», не сказано: «изгнанные» или «те, что будут гонимы», дабы указать, что в самом деянии и страдании за правду состоит совершенство праведности; ведь для праведника, — поскольку он праведен, — поступать праведно